

А.А.Бурыкин

Названия металлов в нивхском языке

Опубликовано в кн.: Кюнеровские чтения (2001-2004).
Краткое содержание докладов. СПб., Кунсткамера, 2005. С.177-185.

Названия металлов представляют собой такие культурные термины, которые являются весьма значимыми для характеристики культуры любого этноса и для изучения его истории и этнокультурных связей. Как известно, названия металлов, с одной стороны, могут выступать как достаточно древние лексические единицы, и в таком случае их сохраняемость и включенность в систему межъязыковых фонетических соответствий будет характеризовать культуру этноса на протяжении длительного исторического времени. С другой стороны, в тех случаях, когда названия металлов являются заведомыми заимствованиями, их историко-лингвистическое изучение позволит решить задачи иллюстрирования или установления тех или иных этнокультурных и языковых контактов, определения относительной хронологии заимствований или направления заимствований, а также может помочь решить такую непростую задачу, как верификация историко-лингвистической реконструкции праязыкового состояния или архаического состояния конкретного языка на каком-то синхронном срезе.

Названия металлов в нивхском языке вызывают интерес в двух отношениях. Первое - это соотнесенность нивхского языка и нивхского этноса с определенным региональным культурным кругом, который может приобрести в зависимости от привлекаемого к исследованию материала различные границы и быть последовательно очерчен как Приамурье и Сахалин, Дальний Восток, Восточная Азия, юго-восточная часть азиатского континента или Тихоокеанский бассейн. Второе - это проблема истории лексического состава языка, который долгое время рассматривался как генетически изолированный язык, который обособился от других языков в весьма и весьма отдаленные времена; поскольку названия металлов представляют собой часть культурной лексики, в данном случае перед исследователями встает важная теоретическая проблема сравнимости или несравнимости этой группы лексики или отдельных слов-названий металлов в нивхском языке со словами соседних языков и языковых групп, которая в конечном счете оказывается связанной с вопросами верификации имеющихся реконструкций архаического состояния такого изолированного или относительно изолированного языка, как нивхский язык.

В нивхском языке по имеющимся словарным материалам выявлено шесть названий металлов - названия железа, меди, олова, свинца, золота и серебра. Рассмотрим их в том алфавитном порядке, какой принят для современного письменного нивхского языка.

1. Нивх. амурск. *айс*, вост.-сах. *айзн*” ‘золото’. Фонетические различия между обозначениями золота в двух диалектах связаны с тем, что в восточносахалинском диалекте нивхского языка лучше сохраняются конечные согласные. Для данного слова есть только одна известная параллель - название золота в маньчжурском языке, маньчж. *айсин* ‘золото’. В “Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков”(1) это маньчжурское слово оставлено без нивхской параллели, хотя нивхские эквиваленты для тунгусо-маньчжурских слов

привеодятся в этом словаре довольно часто. Здесь можно отвлечься от проблем истории названия золота в маньчжурском языке (2) - возможно, оно заимствовано из какого-то обособленного тюркского языка, исчезнувшего впоследствии, поскольку трудно отрешиться от внешнего сходства маньчж. *айсин* и тюрк. *алтын*, *алтан* (3). То, что название золота у нивхов заимствовано от ближайших соседей, чье цивилизационное влияние распространялось на районы проживания нивхов, ничуть не является удивительным.

2. Нивх. амурск. *выть*, вост.-сах. *ват* [wat] ‘железо’. Это слово, насколько нам известно, не имеет этимологического или исторического объяснения, хотя многие нивхские слова в работах разных исследователей отождествлялись со словами других языковых групп и определялись как заимствования. Между тем данный термин оказывается чрезвычайно интересным не только в плане историко-культурных связей нивхов, но и открывает более широкие горизонты для изучения культурных контактов между народами Тихоокеанского побережья и обитателями островов и архипелагов в различных частях Тихого океана.

Наличие смычного среднеязычного *ть*, закономерно изменяющегося в переднеязычный *т* в восточносахалинском диалекте (4), указывает на то, что в положении после гласного перед согласным находился некий сонантный элемент. Соответствие гласных амурск. [ы] ~ вост.-сах.. [а] указывает на исходный архетип *и или *э (5); Е.А.Крейнович считал восточносахалинские формы в целом более древними, нежели формы амурского диалекта нивхского языка, однако в данном случае именно амурские формы сохраняют более архаическую огласовку. Нивхское название железа находит параллель в чукотском слове *пылвынтын* и корякском *пылв'ынтын* ‘железо’, которое не имеет аналогов в соседних языках и никак не может быть отнесено к поздним заимствованиям из них. Начальный элемент *пыл-* в этом слове идентифицируется как префикс со значением “настоящий, подлинный”. Можно обратить внимание и на то, что в восточносахалинском диалекте нивхского языка, где сохраняется различие между билабиальным [w] и лабиодентальным [v], это слово имеет именно билабиальный согласный, который точно соотносится с билабиальным же согласным в корякском языке (в чукотском языке, как и в амурском диалекте нивхского языка, историческое различие между согласными *w и *v утрачено).

Вместе с этим нивхское название железа обнаруживает еще одну параллель, на этот раз в языках южной части Тихого океана - в частности, в мальгашском *vi* ‘железо’. (6). Обращаем внимание на сходство огласовки этого слова с предполагаемой по реконструкции огласовкой названия железа в нивхском языке. Судя по всему, здесь мы встречаем крайне любопытный пример лексической изоглоссы, проходящей по восточной части Тихоокеанского бассейна, и эта изоглосса должна отражать какие-то очень древние культурные связи между теми народами, в языках которых фиксируется данное название железа. Отметим, что в современном состоянии нивхи не контактируют с носителями чукотско-камчатских языков, и, хотя в нивхском языке наряду с несколькими чукотско-камчатскими словами отмечено даже название для коряков *хантэ*, о времени и характере этих контактов трудно сказать что-то определенное - пока приходится лишь признавать, что одной из составляющих лексического состава нивхского языка являются чукотско-камчатские элементы. Что же касается южных культурных связей нивхов, то о них трудно говорить что-то определенное, хотя данная лексическая изоглосса оказывается не единичной (7).

3. Нивх. *паглавыть*, или *пагла выть* ‘медь’. Название меди в нивхском языке является составным, и образовано из двух компонентов - пагла (атрибутивная форма от глагола *паг-дь* ‘быть красным’, и *выть* ‘железо’. Как это ни удивительно, но нивхи не заимствовали названия меди у соседних народов, и, что достаточно очевидно, в наименовании меди они использовали слово со значением “металл” или “железо”, которое в свете сказанного выше является более архаическим в нивхском языке, ежели позднейшие заимствования из алтайских языков.

4. Нивх. *пугул* ‘свинец’. Это слово не имеет ярко выраженных параллелей в языках, соседствующих с нивхским языком. Единственной параллелью для него оказывается гнездо слов со значением “круглый” в тунгусо-маньчжурских языках: ср. эвенск. *бун’н’ука* ‘шарик’, *бун’н’ули* ‘круглый, шарообразный’, негидальск. *бон’гол-бон’гол* ‘шаровидно, клубком’, удэгейск. *бу’о-л* ‘крутятся как шар’, ульчск. *бон’гал-бон’гал* ‘шаровидно’, нанайск. *бон’гал*, *бон’гарак* ‘клубком’, *бон’гали* ‘круглый’ (8). Фонетические соответствия между нивхским словом и словами тунгусо-маньчжурских языков, наблюдаемые в этих случаях, характерны в равной мере для заимствований и для той лексики, которую можно относить к общему тунгусо-маньчжуро-нивхскому словарному фонду: начальный глухой непридыхательный в нивхском слове соответствует начальному звонкому в тунгусо-маньчжурских словах, а смычный согласный *г* в позиции между гласными в нивхском слове свидетельствует об утрате некогда предшествующего ему сонанта - в данном случае таким сонантом оказывается заднеязычный *нг*, имеющийся почти во всех тунгусо-маньчжурских словах. Вероятнее всего, данное слово было заимствовано нивхами из тунгусо-маньчжурских языков, но не как название свинца, а как название пули, картечи или дробы, что и явилось причиной семантического сдвига при заимствовании.

5. Нивх. *тото* ‘серебро’. В отличие от названия золота, которое хорошо идентифицируется с маньчжурским словом “золото”, название серебра в нивхском языке оставалось без параллелей на протяжении всего периода изучения внешних связей лексики нивхского языка, и, насколько нам известно, не обсуждалось ранее никем. Единственное возможное решение проблемы происхождения этого нивхского слова - это сближение его с маньчжурским словом *толдохон*, *толтохон* ‘оправа на черенке ножа, меча’ (9). Возможно, что данное маньчжурское слово, которое, кстати, никак не представлено в тунгусских языках, является по происхождению монгольским: ср. бурятск. *толто хутага* ‘нож в оправе’. Сохранение инлаутного смычного согласного в нивхском слове *тото* ‘серебро’ без спирализации, как и в других случаях, указывает на наличие в исходном состоянии сонанта, занимающего позицию перед этим согласным, который впоследствии подвергся выпадению. Этот согласный, как мы можем видеть, наличествует и в маньчжурском, и в бурятском примерах, привлекаемых нами для сопоставления. Тем не менее название для серебра в нивхском языке должно считаться ранним заимствованием. В пользу этого говорят в одинаковой семантической критерий, а именно перенос наименования изделия из данного металла на название самого металла, и фонетический критерий - в исконно нивхских словах невозможно найти двусложные слова с гласным [o] в обоих слогах, в то время как для тунгусо-маньчжурских слов и монгольских слов с гласным [o] в первом слоге такая огласовка является обычной вследствие правил гармонии гласных. Однако название серебра должно быть отнесено к достаточно ранним заимствованиям в нивхском языке, поскольку оно должно было попасть в

нивхский язык еще до начала процесса выпадения сонантов в преко́нсонантной позиции и соответственно до происхождения чередований начальных согласных, закономерности и генезис которых связываются непосредственно с переходом интервокальных смычных согласных в спиранты и утратой сонантов перед согласными, вследствие чего в нивхском языке образовались вторичные смычные согласные в интервокальном положении. Показательно, что название золота должно было быть заимствовано в нивхский язык из того же маньчжурского языка значительно позже, когда этот процесс прекратил свое действие, поскольку в нем сохраняется сонант [й] в положении после гласного перед согласным.

6. Нивх. *t'atʹ* 'олово'. В.И.Цинциус и Т.Г.Бугаева допускали, что нивх. *t'atʹ* 'олово' может сравниваться с тунгусо-маньчжурским словом *туза* 'олово' (10). Однако данное сравнение не объясняет различий в огласовке нивхского слова и тунгусо-маньчжурских слов. По нашему мнению, нивхское название олова должно сравниваться с довольно редким и малорепрезентативным наименованием олова и свинца в тунгусо-маньчжурских языках: ср. эвенк. *тарчи* 'свинец, олово', ороцк. *такси, такти* 'олово', удэгейск. *такчи* 'свинец', ульчск. *тачи* 'олово', орокск. *татчи* 'алюминий', нанайск. *тарчи* 'свинец', ма. *тарчан* 'свинец' (11). Сохранение смычного среднеязычного согласного *ть* в конечной позиции, как и в слове *выть* 'железо', объясняется как следствие присутствия позже утраченного сонанта [р] в позиции перед этим согласным. По семантике становится возможным предполагать, что данное слово попало в нивхский язык из севернотунгусских языков, где для него отмечается значение 'олово', или из ульчского языка, но не из нанайского или маньчжурского языков, где это слово имеет значение 'свинец'. Правда, в данном случае невозможно установить, относится ли название олова в нивхском языке к ранним заимствованиям, которые позже претерпевали фонетические изменения вместе с нивхскими словами (как нивх. *тото* 'серебро') или оно было заимствовано относительно недавно у ульчей, близких соседей нивхов. Здесь, правда, возникает вопрос о том, что исходная форма последнего слова могла попасть в тунгусо-маньчжурские языки из какого-то «ротацирующего» монгольского языка типа дагурского языка, заимствования из которого в тунгусо-маньчжурских языках не являются экзотикой, хотя и не всегда распознаются.

Таким образом, из шести названий металлов, засвидетельствованных в нивхском языке, четыре названия, а именно названия золота, серебра, свинца и олова свидетельствуют о культурных связях нивхов с народами Приамурья и Маньчжурии, причем эти связи имеют весьма масштабную временную перспективу, многие из них относятся к достаточно раннему времени, что подтверждается соотносительностью внешнего облика названий металлов в языках источниках с несколькими разными временными состояниями нивхского языка. Название меди у нивхов имеет относительно недавнее происхождение, и причины этого трудно объяснимы - вероятно, обработка меди нивхам не была знакома изначально. Название железа у нивхов вписывает этот этнос в круг широких и древних культурных связей в восточной части Тихоокеанского бассейна (о чем давно говорили А.П.Окладников и ученые его школы) и дополнительно служит для нас свидетельством того, что знакомство народов Тихого океана с металлами относится к очень раннему времени. Весьма важно то, что в результате анализа названий металлов именно как части заимствованной лексики нивхского языка оказываются полностью подтверждаемыми основные положения реконструкции архаического состояния нивхского языка, построенной

методами внутренней реконструкции и с привлечением диалектных данных (12), и лучшим подтверждением этой реконструкции является этимологизация нивхского названия серебра *тото*.

Развивая сюжет о развитии индустриальных средств нивхов, проиллюстрируем значение методов и результатов лингвистической реконструкции для выкладок и построений этнолингвистического характера на таком примере, который имеет непосредственное отношение к целому ряду вопросов, затронутых в настоящей статье как в языковом, так и в культурном отношении. Е.А.Крейнович в своей знаменитой книге «Нивхгу» писал: “Сообщение Плетунки о том, что у нивхов для названия камней есть только два слова *пах*” - “камень” и *н’ак* - “кремень” показалось мне чрезвычайно интересным. ... Значит, предки современных нивхов из всех разновидностей камня выделили и наименовали только один кремень. Это произошло, несомненно, потому, что люди с древнейших времени изготовляли орудия. Этот живой факт из современного нивхского языка словно унес меня в глубины древней истории человечества. ... Еще трудно осмыслить в полной мере научную значимость совпадения фактов из области самой древней истории человечества с данными современного нивхского языка. Но оно заставляет задуматься над тем, каким образом нашими древнейшими предками, походившими на обезьян больше, чем на современных людей, был выбран именно кремень.” (13). Данное рассуждение можно понять так: разделение первобытных людей на предков нивхов и предков всех остальных современных этносов имело место в ту эпоху, когда эти люди только-только научились выделять кремень из всех остальных пород, пригодных для изготовления орудий труда. Дело, однако, в том, что в этом палеоэтнолингвистическом построении допущена одна неточность, которая в наши дни и на уровне наших знаний об истории нивхского языка может быть исправлена, и при этом кардинально поменяется результат этого построения. Форма названия кремня *н’ак* характерна для восточносахалинского диалекта нивхского языка (14). Как известно, восточносахалинский гласный [a] может соответствовать гласному [ы] амурского диалекта, а архетип гласного в этом междиалектном соответствии отождествляется с гласными [и] или [э]. Название кремня в нивхском языке, о котором писал Е.А.Крейнович, в этом случае прекрасно отождествляется с некоторыми словами тунгусо-маньчжурских языков - эвенк. *н’экэ* ‘огниво’, солонск. *нэхэг* ‘огниво’, ороц. *н’эхэ* ‘огниво и кремень’, уд. *н’эхэ* ‘огниво, кресало’ (15). Почти невозможно предполагать, что это слово попало в тунгусо-маньчжурские языки из нивхского языка, поскольку оно засвидетельствовано в солонском языке и в западных диалектах эвенкийского языка - подкаменно-тунгусском и баргузинском, которые едва ли могли контактировать с нивхами. Это слово не может принадлежать тунгусо-маньчжуро-нивхскому лексическому фонду, даже если и считать нивхский язык частью тунгусо-маньчжурской группы языков на правах рано отделившейся ветви этой группы - такому предположению мешает соответствие интервокального смычного [к] и спиранта [к] в тунгусских словах нивхскому смычному [к], который, если он исторически находился между гласными, то обязательно должен был бы спирантизоваться и перейти в [х]. Остается только одно предположение, парадоксальное для любителей «палеолитических» этнолингвистических реконструкций - название кремня было заимствовано нивхами из тунгусо-маньчжурских языков, причем было заимствовано тогда, когда амурский и восточносахалинский диалекты нивхского языка еще не были разделены между

собой, то есть примерно 1000 лет назад. Форма этого слова в тунгусских языках довольно точно соответствует архетипу нивхского слова, а соответствия начальных согласных укладываются в систему, образуемую иными примерами.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на некоторые исключительно важные моменты в изучении проблемы этногенеза нивхов на основе комплексных данных и междисциплинарных исследований. Как известно, относительно этногенеза нивхов и генетических связей нивхского языка существуют разные точки зрения. Традиционно нивхский язык относится к «палеоазиатским» языкам с неясными связями. С 1970-х годов высказывается мнение о принадлежности нивхского языка к алтайской семье (Т.А.Бертагаев, В.З.Панфилов, отчасти В.И.Цинциус); по нашему мнению, нивхский язык, скорее всего, даже не занимает самостоятельного места в алтайской семье, но может представлять отдельную ветвь тунгусо-маньчжурских языков, отделившуюся ранее других языков (16) и подвергнувшуюся сильному айнскому влиянию (почти все нивхские слова-изоляты, не имеющие ни «алтайских», ни «палеоазиатских» параллелей, оказываются айнскими заимствованиями). О.А.Мудрак полагает, что нивхский язык может вписаться наряду с языками Северо-Востока Азии в реконструируемую им древнюю «палеоазиатскую» языковую семью. Для оценки всех этих гипотез исключительно важны антропологические исследования народов Дальнего Востока, которые были проведены в 1950-е годы М.Г.Левиным, но результаты которых остались без должного внимания как со стороны этнографов, так и со стороны лингвистов. М.Г. Левин пришел к выводу, что по данным антропологии нивхи могут рассматриваться как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами, но, по его мнению, в этногенетическом аспекте такому утверждению категорически препятствуют языковые данные (17), как надо понимать – отсутствие языкового родства либо между тунгусо-маньчжурами и нивхами, либо между нивхами и айнами. Новые данные в области реконструкции древнего состояния нивхского языка, полученные нами в 1980-е годы, свидетельствуют о том, что языковой материал не только не противоречит выводам М.Г.Левина, но, напротив, как раз однозначно подтверждает их – ибо по историко-лингвистическим данным нивхский язык может быть, с одной стороны, отнесен к тунгусо-маньчжурским языкам, с другой стороны, он отражает архаические и достаточно интенсивные айнско-нивхские контакты. Что же касается присутствия в нивхском языке некоторого количества слов чукотско-камчатского и эскимосско-алеутского происхождения, то они, как мы полагаем, представляют собой субстратные элементы.

Примечания

1. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1. Л., 1975. С. 226-23а.

2. Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С.20-21. Сравнение с нивхскими формами дано там же. С.20.

3. Бурыкин А.А. Айсин эйхэн - altin eshāk, или к проблеме тюркского источника нескольких маньчжурских слов // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. Спб., изд. СПбГУ, 2000. С.18-25.

4. Этот переход согласных является общим для нивхского, орокского и в определенной мере для эвенкийского языков и представляет собой сахалинское ареальное явление, вызванное, возможно, айным влиянием.

5. Бурыкин А.А. 1) Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. //Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 46-54; 2) Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. II. // Лингвистические исследования 1989. Структура языка и его эволюция. М., 1989. С. 45-49.

6. Учитывая типы преобразования инлаутных сочетаний согласных в нивхском языке в сравнении с другими языками, из которых в нивхский язык были заимствованы некоторые слова, индонезийское название железа *besi* (на эту форму обратила внимание автора Е.В.Ревуненкова) не противоречит по форме высказываемому предположению.

7. Ср. нивхское название паука *кывгыф*, соотносительное с индонезийским и, что очень важно, не имеющее других сближений.

8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1. Л., 1975. С. 110б-111а.

9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.2. Л., 1977. С. 194б-195а.

10. Ср. Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. Указ соч. С. 36.

11. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1. Л., 1975. С. 2, С. 169а; Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. Указ соч. С. 36-37.

12. см. Бурыкин А.А. Происхождение чередований начальных согласных в нивхском языке // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 185-190, и работы, указанные в прим.5.

13. Крейнович Е.А. Нивхгу. М., 1973. С. 23-24, и примечания на с. 462-463.

14 Крейнович Е.А. Нивхгу. М., 1973 С. 480.

15 Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1. Л., 1975. С.651а.

16. Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1988. С. 136-150.

17. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.